

Владимир Томашов

43-я зона

Это было хорошее время. Ты едешь в машине, из радио льется старое доброе ретро, под которое твои родители стоптали не одну пару модной обуви. На улице сыро, серо и зябко. Все куда-то спешат, а ты включаешь печку, подъезжаешь к закусочной типа Макдональдс и заказываешь себе крепкий, горячий кофе с картошечкой фри. Еще можно сырный бургер, если не слишком бьет по карману. Потом пристраиваешь где-нибудь свою железную карету, устраиваешься поудобней и спокойно, с аппетитом ешь. Снаружи суматоха и не уют, а ты закрываешься в своем мобильном кабинете и плевать на все.

— Построились! Построились!

Или если Морозко вдруг схватит всех за задницу и разрисует (очень красиво) светлые окна твоего дома. На столе дымится чай с лимоном, а на улице метель и страшно воет ветер. Дома тепло, хорошо. Мажешь свежий хлеб маслом и малиновым вареньем...

— Шевелитесь мухи сонные!

...кусаешь и присербываешь горячим чаем. Скоро придет твоя хорошая подружка и ее нужно будет отогреть после такой непогоды. Потом вы

нарядите елку, зажжете гирлянды и, укрывшись пуховым одеялом, посмотрите какую-нибудь сказку.

— Давай! Давай! Становись!

Это было прекрасное время.

— По-порядку, пошли!

Это было в прошлой жизни.

— Рассчитайсь!

— Первый.

— Второй.

— Третий.

В прошлой жизни мы имели личные машины и дома, а свободное время могли проводить с удовольствием.

— Восьмой.

— Девятый.

— Десятый.

И мы могли ненавидеть те моменты, за которые сейчас бы отдали все на свете.

— Двадцать второй.

— Двадцать третий.

А чего стоит горячая ванна и крепкий сон.

— Сорок восьмой.

Нормальный, спокойный сон, которого не было целую вечность.

— Семьдесят восьмой.

Или жаренные на барбекю куриные лапки с хрустящей корочкой и свежим овощным салатом.

— Сто второй, расчет окончен.

Теперь мы живем по-другому и мечтаем о прошлом. Мечтаем и помним всякий раз, как делаем новый вдох.

Меня зовут Всеволод Зайцев и это 43-ья зона.

1

Главная городская больница, больше похожая на тюрьму, теперь служит убежищем для трех сотен человек. Наспех доделанный забор — добавили два метра шлакобетона — обнесли колючей проволокой и усеяли битым стеклом. Оконные проемы преградили неровными прутьями ржавой арматуры, накрест схваченной буграми электросварки.

Добротное советское железо толстыми воротами обозначает вход и выход, а крыша здания оказалась такой себе патрульной вышкой, где в каждом углу дежурит дядя с автоматом, так что граница на надежном замке.

Весь правый сектор первого этажа забит консервами и сухими гарнирами в герметичных пластиковых коробках. Нас уверяют, что крысы их не возьмут, к тому же там везде понатыканы ультразвуковые отпугиватели.

Две мощные ВЭС украшают эту угрюмую картину, до боли напоминая благополучный

флюгер — детское творчество типа: «Сделай сам» или «Очумелые ручки».

Своя скважина здесь была пробита еще с тех пор, когда со спокойной душой было можно пускать пузыри в ванной или платить налоги, что примерно то же самое. Теперь никому не надо твоя потная треть зарплаты, а лишь тот самый пот, упавший с кроткой (обязательно) головы, ибо теперь твоя зарплата это крыша над головой, сухая вредная еда и люди-хаки с АКМ через плечо.

— Так, ласточки, еще раз повторяю, никто здесь никого не держит, так что если хотите показать свой характер — вперед за ворота, на вольные хлеба, так сказать. Скатертью дорожка. Мы вам даже сухпак сложим. Ну а кому нужна пища и кров, кому нужна защита, тот пусть будет так любезен, шевелить батонами, когда ему говорят, ибо не за красивые глазки вы здесь казенную тушенку уминаете.

Человек в униформе и «Макаровым» на боку обвел всех взглядом и продолжил:

— Нам с вами выпала великая почеть — стать основателями новой жизни, но у нас может не хватить сил и на собственную, если не будем держаться вместе. Запасы еды не бесконечны, а наши метеорологи пока не прогнозируют осадки небесной манны. Так что не кривите рожи, мы все здесь в одной упряжке.

Конечно люди кривили рожи. Продавцы, пенсионеры, бизнесмены, работяги, студенты. Казалось бы, еще вчера они могли сладко потянуться в своей постельке, громко зевнуть, потом поджарить тосты и сварить кофе, а не слушать приказные вопли здорового бритоголового сержанта. Первые несколько дней всё выполнялось безропотно, но теперь все потихоньку стали приходить в себя, осваиваться и проявляться.

— Нам нужно вспахать землю и создать огород. Огурцы, картошка, капуста.

— А если свет опять пропадет? — спросил менеджер среднего звена Кирилл.

— А если свет пропадет не просто опять, а на совсем, на веки вечные, — ответил сержант. — Так что к черту огороды и кильку в томате. Устроим здесь прощальную оргию и пустим себе по пуле в лоб.

Послышался редкий, нервный смешок.

— Кто из вас корпел над кабачками с редисом, граждане пенсионеры?

— Я корпел. — Отличился пожилой человек в очках.

— Да все мы здесь, наверное, корпели, — отличился второй, выступая вперед. — Ну, я стариков имею ввиду, конечно.

— Все знаете что делать?

— Знаем.

— Разберемся.

— Знаем. — Перемешались уверенные голоса.

— Хорошо. Тогда сейчас дружно спускаемся вниз. Сержант Науменко выдаст лопаты и семена. Каждый плод закрепим за одним хозяином, который будет ухаживать за ним от начала до конца. Мне нужно шесть человек знающих толк в земледелии.

Из строя вышло чуть больше десятка стариков. Сержант одобрительно зашагал вдоль ряда людей, указывая на них планшетом и называя судьбоносный овощ. Так пожилой человек в очках оказался свеклой. Тот, что вызвался за ним — картошкой. Дальше последовали кабачки, морковь и лук, а единственная женщина из мужской компании стала огурцом.

— Десять человек остаются наводить порядок. Остальные за мной.

Определив счастливых, он повел большую дружную команду на воздух. Пока они спускались по бетонным ступенькам, его просто засыпали вопросами:

— Товарищ сержант, а когда майору дадут список фамилий?

— Товарищ Плетнев, а это точно, что наша зона последняя?

— Ради Бога спросите майора, может у него уже есть данные?!

— А где находится ближайшая зона?

— Неужели вы никого не потеряли?

Сержант Плетнев остановился и играя желваками уставился на все скопище.

— Послушайте, если бы майор обладал информацией, вы бы уже были в курсе, разве непонятно? Все здесь разлучились с родными и близкими, но нас почти три сотни и у каждого минимум двое разыскиваются, и все это надо передать в сорок два пункта. Как вы полагаете это быстро?

— Но неужели нас никто не ищет? Неужели только мы даем запрос?

— Женщина, у нас нет компьютеров с базой данных, чтобы все сошлось в секунду. Старенькая радиосвязь со статическими помехами, по которой нужно поломать язык и посадить голос, перечисляя тысячи фамилий. Сорок три зоны, помните? Терпение господ, терпение.

— Товарищ сержант, а кто-нибудь уже пробовал покидать зону?

— Так, все! — взревел Плетнев. — Прекратите балаган! Как только станет что-нибудь известно — я вам сообщу, а сейчас за работу. Нам нужны овощи.

Бывшая гардеробная теперь служила складом для рабочего инвентаря. Все здесь теперь стало складом. Здесь хранятся грабли и цапки, там

оружие, там еда, вода, лекарства, одежда и всякий хлам, а в палатах, где когда-то лежали пациенты, теперь хранится основное имущество этой богадельни — мы.

— Получайте инструменты ребята и вперед за мной. — Сказал Плетнев и подумал: «Боже, ну и сброд».

— Серега! — крикнул белобрысый высокий сержант и махнул рукой, чтобы тот подошел.

Плетнев подождал пока все, получив лопаты и семена, отойдут в сторонку, и подошел к окну.

— Серега, лук пропал, — сказал белобрысый. — Сгнил напрочь, одна слизь осталась, — и протянул ему пластмассовое ведро полное золотой шелухи и ужасной вони.

— Господин Плетнев, — сзади стояла бабушка-огурец. — А огурчики еще рановато сажать, они всходят быстро, — сказала она, как бы извиняясь.

— Вы семена получили?

— Да, да, вот, — она протянула ему бумажную упаковку.

В стороне стоял пенсионер-картошка и голодными глазами смотрел на маленькие поморщенные клубни. Если все уродит — это будет счастье.

— Идите на улицу и ждите меня там, — сказал он и снова повернулся к Науменко. Тот

заполнял журнал.

— На втором этаже уже появились бунтари, похоже скоро появятся первые птицы. — Начал он.

— Из 20-ой уже выходили.

— Иди ты!? — Науменко отложил журнал.

— Да, — сказал Плетнев. — Только не гражданка. Наши выходили.

— Вот молодцы! И что?!

— Жизни нет. Разруха полная, как после войны. Повсюду трупы.

Надежда в глазах Науменко померкла. Его лицо вытянулось еще больше. Он молча ждал продолжения.

— Это все, — сказал Плетнев. — Далеко они не ходили.

— Откуда знаешь?

— Раджабов сказал. Так что пусть эти грёбаные бунтари катятся ко всем чертям.

— Ну, так мы всех потерять можем.

— Остальным надо дать, что им нужно.

— Это что же?

— Фамилии, — сказал Плетнев.

2

Густая, крошечная тьма. Слегка волнуется огонек затертой «зиппо», но он не освещает и метра. Если вытянуть руку вперед, то будет видно

лишь костяшки кулака, а вот пятерня с обкусанными ногтями уже растворяется во мраке. Спокойно, ты ведь пережил это однажды, справишься и на сей раз. Главное успокоиться, унять бешеное сердцебиение. Сейчас нужно осторожно, очень медленно, чтобы ни на что не наткнуться, добраться до здания. До того как Господь выключил свет оно было справа от меня, на расстоянии пятидесяти шагов, не больше. Там вода, еда и Лина, а это все, что мне сейчас нужно. Сегодня она осталась на уборку и ей здорово повезло.

Еще там есть свечи. Конечно они ни чем не лучше моей зажигалки, но две свечи вместе куда веселее. И можно шептаться. Звуку едва до локтя хватает, не то что до костяшек, а потом он глохнет. Глохнет в этой густой темнотище, словно задыхается. Вот если заткнуть уши и поговорить будет нечто похожее. Глухой одинокий звук, но можно шептаться. Мы уже делали это в прошлый раз и это самое приятное, что может быть в подобных обстоятельствах.

Два незнакомых человека в абсолютной темноте и тесной близости. Никто вас не слышит, вокруг пустота, а вы красивы, напуганы. Весь мир рухнул, тяжело дышать, вас переполняют страсти и скорей всего последний раз. И этот шепот. Какие бы серьезные вопросы вы не старались нашептать

друг другу на ухо — этот волнующий интим никуда не девается.

Влажный воздух изо рта щекотно шелестит по ушам и шее. Ваши запахи. Дыхание. Волнение. Даже конец света отодвигается на задний план и невозможно не закончить все тем, к чему ведет это странное, растущее желание... если на вас не налетит паникующий идиот с глазами как у недобитого быка.

Ты падаешь, зажигалка отлетает в сторону и даже непонятно куда она упала, потому что темнота поглотила этот звук. Я остервенело бегаю ладонями по асфальту в надежде скорее найти свой карманный огонек за три доллара, но нахожу кое-что получше. Холодная кожа высокого женского сапога, который (уверен) роскошно сидит на теплой красивой ножке, по которой ты поднимаешься все выше. Это она. Та, что прерывающимся шепотом спрашивала меня что случилось. Та, которой, задыхаясь, я отвечал какую-то несуразицу.

В висках стучит, становится жарко, во рту пересохло. Я даже не знаю её имени, а она прижимается ко мне и пылко впивается в губы, но кто-то снова налетает на нас — наверное тот же придурок. Он больно бьет меня в бок и, споткнувшись, падает на неё. Я чувствую возню, он путается в ногах. Я чертовски зол и хочу разорвать

его на части. Рядом лежит она и потирает себе коленку. Идиот побежал, наверное, дальше, но момент упущен — это чувствуется и в крошечной тьме.

Я говорю ей держать меня за куртку и возобновляю поиски «зиппо». Спустя целую вечность, когда к превеликой радости обоих я нашел американское огниво, мы познакомились, но уже без интима. Все, вроде, было так же и мы оба старались вернуть момент, но тщетно. Он больше не возникал. Зато вернулся страх. Настоящий страх и полное недоумение...

Воспоминания оборвались резко и довольно неприятно. Подземные толчки. Будто начались схватки у нашей голубой, круглой старушки. Очень неприятно. Словно злая, ужасающая сила норовит разорвать земную твердь изнутри.

Я пригнулся и стал наподобие борца сумо, стараясь держать равновесие, но это не особо помогало. Дрожь земли свалила меня на бок совсем недалеко от входа — я знал это по шагам.

Подо мной все трусило и ревело, и этот страшный звук не прошел мимо ушей. Потом я услышал странный глухой удар. Слабовато, но очень близко и, когда вывел огонек в ту сторону, адреналин прошел меня через все поры — здоровенная лопасть ветряной электромельницы пронзила почву в тридцати сантиметрах от меня.

Совсем немного, всего лишь школьная, канцелярская линейка, всего два карандаша или кухонный нож. Вот на каком расстоянии я был от беззаботного будущего с кишками наружу.

— Эй, кто здесь?! — ах, я совсем забыл, что кричать бесполезно.

Освещая себе путь, я пошел (скорее пополз) вдоль упавшей станции, чуть не стоившей мне жизни. Там кто-то был. Короткий миг, ничтожная искорка — раз и все, — а еще так, будто... да нет, вряд ли такое бы заметил, больно густая ночь. Ого, и правда все-таки. Разводы на земле, тут что-то тащили, вон туда. Или кого-то? Следы вели в другую сторону от главного входа, к которому я шел. Может привалило кого? Та нет, наверное споткнулся просто. Может ногу подвернул и сам пополз.

Подземная буря не унималась, трусило здорово. Я прихлопнул огонек железной крышкой зажигалки и решил подождать.

Прошлая жизнь. Все мы собрались в комнате Стаса отдельно от взрослых. Мы только освоились в школе, а на диване полно девиц постарше. У него день рождения и его родители, решив устроить праздник и себе тоже, наприглашали кучу друзей с детьми. Сбившись в кучку мы пытались найти общий язык, интересные игры, но девчонки были недосыгаемы, свысока взирая на маленьких

возомнивших мальчиков. Ведь они старше на пару лет, а значит на целый десяток и уже на другой планете.

Но тут, уж не помню кто, выключает, забавы ради, свет. В комнате становится абсолютно темно, и лишь щель под дверью светится из коридора. Не упуская возможности, я хватаю сидящую рядом блондинку за колено закрытое нейлоновыми, уже взрослыми, колготками. Получаю кайф, а она кричит и брыкается. Включается свет. Я сижу, как ни в чем не бывало. Всем объясняют причину крика, и в глазах загорается интерес. Свет выключают снова, и вот я хватаюсь за первый лифчик соседки, и опять слышу наигранный крик.

Когда включили свет — картина преобразилась. Девочки больше не сидят с надменными и скучными лицами — эта игра им пришлась по душе, хотя с выяснением отношений и устроили настоящий спектакль: «Кто?! Как посмел?!», а глазки то блестят, сияют.

Это была замечательная игра в пору грядущему возрасту, но на крики вскоре сбежались взрослые, и все закончилось в самом разгаре.

Подо мной ревело гигантское чудовище — мегавибромассажер самой природы. Потянуло неприятным запахом смолы и горящих тряпок. Впереди блеснул огромный всполох, прямо как в первое затмение. Здоровенная яркая вспышка на

горизонте, покруче снарядов Перуна. Что она значит и откуда берется одному Богу известно, но ощущения, скажу я вам, не из приятных.

Запах гари усилился и во рту появился характерный противный привкус. Легкое мерцание размытого серого пятна на черном фоне, если можно так сказать, за полторы — две руки от меня, набирало сил. Кто-то схватил меня за плечо, и я вскрикнул. Приличное пламя факела оказалось чуть ли не у носа. Сержант Науменко уставился на меня глазами безумца. Горячий дымок любовно изучал мое лицо, давая понять, что же так воняло плохой экологией.

— Как тебя? Э-э..., Владлен?

— Всеволод, — ответил я. — Пора бы и запомнить.

«Массажер» снижал обороты, дрожь чуть поутихла.

— Ну и погодка, а? — дурацкая улыбка и плохие зубы. Видно даже при плохом освещении.

— Знаете, я единственный стоматолог живущий здесь, — не удержался я.

— Чего?!

Но это нормально. Странное поведение и эти...опять начались. Эти глюки. Сизые лица летают в пространстве, зеленые круги, мертвые птицы. Я закрыл глаза и поморщился. Эти глюки ужасная штука, они сводят с ума, нагоняют жути до

пота. Науменко что-то кричит мне на ухо, какую-то чушь, мне плевать, поскорее бы дали свет.

Нас было четверо, там под аптекой. Лина послушалась моего совета и не открывала глаз, а те двое... я не знаю, что с ними стало, помню лишь их сдавленный ночью вопль. Оба они убежали, исчезли. Эта тьма рождает действительно страшные видения. Страх вместе с ними летает в воздухе, воняет безумством.

Нет, воняет гарью.

— Эй, уберите это от меня подальше, — я отодвинул его факел в сторону.

Землетрясение почти остыло.

— Похоже, трясучка кончается, — заорал он мне на ухо.

Я опять вспомнил жаркий шепот Лины.

Резко он вывел огонь вперед, потом влево. Прокричал что-то похожее на: «А черт!» и зажмурился. Наверное, и ему явились призраки, но он не разомкнет очей своих без нужды, никто здесь не разомкнет, потому что живы, а живы, потому что справились в прошлый раз и знают что делать. Лучше закрыть глаза и переждать. Прочитать молитву, какую знаете и твердить себе, что это лишь кажется, только и всего.

Но еще есть запахи. Они врываются в ноздри совершенно разным букетом и почти всегда зловонным, а не дышать, знаете ли, проблемка.

Хорошо, что хоть звук отсутствует, а то если бы к болотному чаду и корявой уродливой роже прилагался истерический зловещий хохот, то навряд ли получилось бы спастись. От паники не убежать и не скрыться.

Надо поскорее убираться отсюда. Найти себе компанию получше. Больница совсем рядом. Не знаю, что или кого там тащили, но теперь явно не разберешься, нужно ждать рассвета.

— Эй, сержант, — крикнул я ему на ухо. — Я домой пошел. Ты как?

Он быстро открыл глаза и сразу закрыл. Потом снова открыл, но уже спокойнее — видно убедился, что у картинок перерыв.

— Да, да быстрее, — сказал он и снова ткнул мне в лицо затухающий факел. — Пока опять не началось.

3

На большом деревянном столе лежит белая бумага с аппетитным жирным подчерёвком. Канарский нарезает его тоненькими листочками и укладывает на кусок ржаного сухаря.

— Держи, — говорит он и протягивает бутерброд Плетневу. Потом приглаживает указательным пальцем свои пушистые усы и с хрустом откусывает половину.

Плетнев в два счета расправляется со своей закуской и говорит:

— Так вот, этот Всеволод уже целую бучу поднял, остальные вроде не сильно так, но подстрекают и за него сразу вступаются.

Канарский протянул ему еще один бутерброд и вытер штык-нож обрывком старой газеты.

— Принес? — спросил он.

— А, да товарищ майор, — сказал Плетнев и, всунув хлеб в зубы, полез за пазуху.

— Вот, — он поставил на стол полный стеклянный бутыль.

Майор наклонился и поднял с пола граненый стакан. Дунул в него, как бы очищая от пыли, и установил рядом с бутылкой. Плетнев молча жевал свою пищу и ждал реакции старшего по званию.

— Возьми стул, не стой, — сказал он и указал на перевернутую мебель.

Плетнев сделал несколько шагов, стараясь не наступить на битое стекло, и поднял стул.

— Выпьешь? — спросил Канарский, наливая в стакан прозрачную жидкость.

— Простите, — замялся Сергей, — я не пью.

— Хе! Вот чудак. Армагеддон на дворе, а он здоровье бережет. Ну как хочешь, — и выдохнув воздух, майор смачно присосался к посуде.

В кабинете был настоящий бардак. Разбросана бумага и всякие предметы, валяются выдвижные

ящички, на полу большие пятна под цветными осколками.

— Главврач был большим ценителем благородного спирта, — сказал Канарский, с грустью взирая на разлетевшиеся стеклышки.

Сержант посмотрел на этикетки «Арарат», «Финляндия», «Абсент».

— Японское лихо, чтоб его, — сказал майор.

— А причем здесь японцы? — спросил Плетнев.

— А причем здесь армяне? — сказал майор. — Или янки? — и он ткнул пальцем на разбитую тару «Джек Дениелз».

— Все не причем, сержант, да только всех уже нет, — он снова наливал водку в стакан, даже не закусив. — А есть только мы. Не знаю, конечно, что там за бугром делается или за океаном, но, думаю, если у нас тут земля дрожала, чего отродясь не было, то там их уже раки общипывают.

Он подвинул стакан Плетневу и вперился в него взглядом.

— Так что пей и не артачься.

Накаченный лысый сержант хрустнул. Дремучие усы майора оказались внушительнее его бицепса. Он вспоминал, как последний раз, склоняясь над унитазом, давал себе зарок не пить больше. Не идейные соображения, а банальное желание выглядеть лучше. Красивые мышцы и

свежая голова куда лучше дряблого тела и полного винегрета под коркой. Три по пятьдесят остались, но несколько видоизменились — теперь он отжимался и качал пресс.

Плетнев схватил стакан и осушил его большими быстрыми глотками.

— Ты не справишься трезвым, уж поверь, — сказал майор. — Ты ведь только на стрельбище стрелял, да в тире, верно?

Сергей закусывал и лишь промычал в знак согласия.

— А я не только, — продолжил Канарский, — и знаю когда нужно, когда поможет. Это в мирное время она губит «пипл», а сейчас не мир сержант.

— И не война, — сказал Сергей.

— Не война, — он снова наливал, — но как показывает практика «нулевая полоса» не способствует демографическому взлету и улыбок людям не дарит.

— Улыбок тебе дед Макар.

— Чего?

— А? Ничего, это я так, вспомнил, из детства.

— Детство это хорошо, — сказал Канарский и снова протянул Сергею стакан. — Давай.

Он надул щеки, медленно выдыхая воздух, и взял его полной ладонью.

— Чертова «нулевая полоса», — майор заботливо дал Плетневу новый бутерброд. — Уже

сегодня меня на пенсию провожали бы, да ты давай, не стесняйся. Думаешь получаться у нас все эти мерзости на трезвую голову, то?

Как бы в знак согласия Сергей поднял подбородок и обдал все нутро горячительной влагой. Потом скривился и занюхал подчеревком.

— А Раджабов, — начал он. — Науменко мне говорил, как тот справлялся, когда ему тех двоих притащили.

— Раджабов «зверь», не забывай, — сказал майор. — Народ всегда метко по делам прозывал. Барашек, человек — кровь красная. У них там свои порядки и других не надо. Не примут.

— А Союз? — Плетнев хрустел сухарем.

— Без толку, — Канарский опять наливал. — Все без толку. Местами строй остужал их дикую кровь, но потом... — он нагнулся и поставил бутылку на пол. — Нельзя чтоб пустой на столе, — пояснил он. — Примета такая.

Сочно осушив до дна, майор плюхнулся в кресло и посмотрел на жующего сержанта.

— Но потом она заиграла как твой Макар с «сервелатом». — Закончил он.

— Мой?

— Из детства который, — майор пошевелил усами, оставаясь серьезным.

— А-ха-ха, — Плетнев начал смеяться. — Знаете все-таки?

— Да кто ж ее не знает, — засмеялся Канарский. — Эту шутку все проходили.

— Там еще какие-то были, тоже наоборот прочтешь, и смешно выходит, — сказал Сергей, — но я только эту помню.

— Ладно, — Канарский достал из кармана пачку «Кэмела» и вытянул сигарету. — Разрядили обстановочку, теперь и поговорить можно. Будешь?

— Нет, нет, курить не буду.

— Опять начинаешь? Учти это последние.

— Ну, так тем более не нужно, благодарю.

Майор еще немного посмотрел на Плетнева и, смирившись, подкурил.

— Так говоришь, Всеволод паясничает? — спросил он. — Под Сеньку Разина косит?

— Так точно, товарищ майор, никак не уймется. Все, говорит, следы видел, как тащили кого. Где Максим и Коля делись? Это вы их убрали, и все в таком духе.

— Ну, Науменко следы замел?

— Замел, товарищ майор. Ему говорят, померещилось тебе, той ночью всем мерещится, а он ни в какую.

Канарский затаился и выпустил в воздух два белых колечка.

— Сколько у нас людей ждет встречи с родней? — спросил он.

— На моем этаже около двадцати, — сказал

Сергей. — У Раджабова, наверное, столько же.

— Значит, выберешь тех, кто там с ним бунтует, и объявишь нужные им фамилии. Раскидай там по зонам как-то, ну как в прошлый раз всё сделай. Подарим им смысл, пусть притихнут.

— А с ним самим что?

— Посмотрим пока, может без поддержки заткнется? А нет, так... Раджабов своих бунтарей убрал? Вот и ты того. Только когда будешь фамилии называть и тихоням оставь, чтоб не слишком подозрительно.

— Разрешите вопрос?

— Ну?

— А связь не появлялась больше?

— Не появлялась Сережа. Только дважды удалось связаться. В первый я обрадовался здорово, когда Лёху Воронова услышал — мой добрый друг еще с кадетства, до комбата дойти успел, — майор глубоко затянулся, так что стало слышно треск табака и бумаги. — Конечно же, я передал ему наши фамилии, он мне свои...

— Все триста что-ли?

— Да ты что? Своих пятнадцать и стоп, а ответа и на них не получил. — Сказал майор. — А во второй раз, наскоро дал инструкции и пропал. Хе, успел, как-будто знал, черт.

Плетнев грузно опустил голову, закрывая

глаза.

— Сережа, — сказал Канарский, — ты брось эти свои «товарищ майор», «разрешите спросить». Мы с тобой теперь в одном лифте застряли, который по толстой кишке едет, — он на секунду замолчал и сбил пепел в стакан. — А из-за плотной кучи дерьма повсюду, ясным солнечным рассветом и не пахнет. Пахнет кое-чем похуже, — майор опять глубоко затянулся. — И что самое паршивое, так это то, что в этом старом, обшарпанном лифте в любую минуту может потухнуть лампочка.

Он выпустил дым через ноздри, окутывая усы прозрачным облаком.

— С лифта хоть выбраться можно, — сказал Плетнев.

— Да куда ты выберешься?! Дерьмо кругом! — Канарский откинулся на спинку стула и с тоской посмотрел на пустую бутылку под ногой. — Так что если хочешь увидеть фаянсовый след в конце тоннеля, то придется посидеть в кабинке.

Сергей слегка улыбнулся.

— Наедине, просто дядя Миша, понял? Ну, или по-батюшке, — сказал майор. — Слушай, принеси еще добавки, уж больно хорошо пошла.

— Дядь Миш, — осмелился Плетнев, — так это вашего друга инструкции были?

Канарский сразу помрачнел и ссутулился.

— Ты о тех двоих? — спросил он.

Сергей неуверенно кивнул.

— Слушай сынок, — майор сделал несколько затяжек к ряду и потушил окурок в граненом стакане. — Видишь этот стакан? Я из него свои первые звездочки выпил, он по-жизни со мной, в чемодане катается, ты думаешь у этой докторши посуды не было? — Канарский кивнул на шкаф, не отрывая глаз от сержанта. — Да вон ее хрустальные бокалы на высокой ножке под твоими берцами хрустят.

— Японское лихо? — Плетнев решил подшутить, но майор не оценил.

— Японское. Землетрясение, сержант, стихия! Люди с ума сходят, и коньяк высыхает, — он снова кивнул в сторону шкафа, на дружные пятна под битым стеклом, — а мой стакан стоит! Как пирамида Хеопса, и знаешь почему?

— Потому что советский? — предположил Сергей.

— Потому что граненый, из простого, толстого стекла! — майор гордо расправил плечи. — Ну и советский, конечно.

Сергей все понял о советской совести и прочности простого, но причем здесь инструкции комбата Воронова спросить не решался.

— Ты зачем в армию пошел?

— Ну... — Плетнев замялся.

— Потому что ты хищник, — продолжил Канарский. — Ты хищник, сержант, запомни это. С большими острыми зубами, — он стукнул по столу кулаком. — А хищники убивают! — еще раз стукнул, — и жрут мясо, и жалости у них нет, потому что им надо выжить! Ты понял?

Вот теперь он, кажется, понял.

— Ты хочешь выжить?

— Да.

— Не слышу!

— Да, хочу!

— Тогда ты будешь есть солонину из бунтарей и копченых пенсионеров, а не петлять вокруг да около со своими сомнениями и соплями.

Канарский достал вторую сигарету и подкурил. Несколько раз затянулся, успокаиваясь, и откинулся на спинку кожаного кресла.

— Это приказ, — сказал он тихо.

Сержант сидел молча, разглядывая лаковые трещинки на столе.

— Воронов сказал протянуть как можно дольше, — продолжил Канарский. — Пока хозяева нашего шарика не повылазят со своих бункеров с новыми планами.

— Вы имеете в виду миллиардеров? — спросил Сергей.

— Типа того, — сказал майор и затянулся. — Ну давай, беги за водкой.

— Бегу, дядь Миш.

Плетнев остановился возле двери, словно желая еще задать вопрос, но потом, видимо передумав, сказал лишь:

— Честь имею, — и вышел в коридор.

— Все мы её имеем, — задумчиво произнес Канарский пустой комнате. — По-полной.

4

Никогда я не чувствовал себя хуже чем здесь, даже во время службы. Не было такой пустоты и обреченности. Мы пытались починить электростанцию, но ничего не вышло, среди нас не оказалось специалиста в подобных делах. Освещение теперь слабое, настроение паршивое и надежда тает день за днем.

Никаких новостей. Сколько времени уже прошло, а связь не появлялась. Ни вестника, ни события, ничего, ровным счетом. Только сидим, играем в самодельные карты из картонной коробки от овсяного печенья и такие же шашки из затертых стеклышек.

Еще бывает, садимся вокруг или на кроватях, и рассказываем всякие истории из прошлой жизни, по-очереди, прямо как в детском лагере. Это очень здорово и больше всего всем нравится но, увы, истории не бесконечны, как и наши запасы. Что

будет дальше, когда еда закончится, и никто не придет на помощь. Не придет и не скажет: «Люди выходите, опасность миновала, будем строить новый мир».

Были разговоры об охоте, но никто не хочет выходить наружу, рисковать своей шкурой. Все боятся, что наступит тьма, когда мы будем за воротами, ведь тогда путь назад заказан. Конечно, были варианты снимать зверей с крыши неподалеку от зоны, а потом обвязать смельчака веревкой и пустить за добычей. Поначалу все воодушевились, но потом поняли, что зайцев и дичи столько не настреляешь даже в лесу, а за крупным животным нужно идти не одному и без веревки, потому что ее не оказалось на складе. В общем, пока еда еще есть, мало кто хочет шевелиться и играть в судьбу. Может потом?

Сержант Плетнев тягает водку к майору и вечно ходит с перегаром. Скоро у нас и спирта не останется. Они там спелись вместе, ну и спились заодно. Ничего нового не предлагают, не думают, хотя кто его знает, о чем они там судачат, может и решат чего?

С тех пор как ночь прикончила огород, они порядком притихли. Нас оставили в покое, работы нет, а Макс и Коля может действительно улизнули той ночью, ведь они все время возмущались об этом. Интересно живы они или нет, и если да, то

где сейчас находятся и что делают?

— О чем ты думаешь? — спросила Лина.

Всеволод лежал у нее на коленях, а она нежно разглаживала его волосы.

— Да так, — ответил он. — О жизни.

— И что же ты надумал, дорогой?

Она наклонилась и поцеловала его в губы.

— Я должен идти, — сказал он. — Кроме меня здесь никто не решится на это.

— Куда ты собрался Володя? — она посмотрела на него испуганными глазами.

— Нет сил тянуть дальше, нужно что-то делать. И перестань называть меня Володей — это не мое имя.

— Вторая часть твоего полного имени, не нужно так нервничать.

Всеволод встал и отошел от кровати.

— Я ни с кем тебя не путаю, — удивилась Лина. — Ну, если тебе так не нравится, то хорошо, не буду больше.

— Даже если я погибну за этими стенами, все же лучше чем сдохнуть здесь от голода и тоски, — сказал он. — К тому же, рано или поздно людям надоест играть в нарисованные карты и долбаные «слова».

— Да что ты так взъелся?!

— Да нормально всё, я не о том, — он снова подошел к ней, сел на корточки и взял ее за руки. —

Когда еды станет еще меньше — поднимется беспокойство. Уверен, они уже задавались вопросом: «зачем нас содержать?». Лина. У этих людей автоматы.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что в нынешних обстоятельствах все моральные установки могут преспокойно рухнуть, вслед за городами и хваленой цивилизацией, в любой момент.

— Ты хочешь сказать, что наши защитники станут надзирателями?

— Именно. И тогда никто не отпустит нас отсюда. Слабых они застрелят, лишние рты им ни к чему. Остальные под прицелами будут добывать еду за воротами.

— Слушай, — улыбнулась Лина, — ну у тебя и фантазия.

— Может я и ошибаюсь, но когда вопрос станет ребром, как бы ни случилось и чего похуже.

— Например?

— Да что ты улыбаешься? Я серьезно!

Лина освободила руки и уперлась ими в кровать.

— Сомневаюсь, что так будет. — Сказала она.

— Велик соблазн оказаться хозяином? — теперь улыбался Всеволод. — Королем новоиспеченного народа счастливых переживших судный день, да? Вернее ночь.